

Син Чжаоюэ снова пришел в себя. Он лежал не на грубом сене, а на кровати, пусть и не самой мягкой. Сквозь щели пробивался солнечный свет. Он поднял правую руку, чтобы прикрыть глаза, и медленно их открыл.

Перед ним были хаотично сложенные деревянные балки. Что это? Хижина? Из-под крыши торчали пучки соломы. Судя по всему, стояло раннее утро — снаружи доносилось лишь звонкое пение птиц, больше ни звука. Тишина, умиротворяющая тишина убогого жилища, от которой на душе становилось спокойнее. Если бы только он не помнил того, что произошло перед потерей сознания...

Тот негодяй во что бы то ни стало хотел, чтобы он отдался ему, но сейчас его нигде не было видно. Неужели ушел?

Син Чжаоюэ с трудом приподнялся и обнаружил, что тело по-прежнему ватное и обессиленное. Даже с такими тяжелыми ранами он не должен быть настолько слаб, верно? Стиснув зубы, он спустил ноги с кровати, но не успел коснуться пола, как почувствовал холод в груди. Он опустил взгляд и обомлел.

На нем была небрежно накинута широкая черная одежда, а под ней? Под ней не было ровным счетом ничего, лишь длинное нижнее белье кое-как прикрывало тело. От его движений полы одежды разошлись в стороны, обнажая грудь. Да что за черт, здесь даже пояса нет?!

В этот момент дверь отворилась.

Цзян Линь, невозмутимый и серьезный, стоял на пороге с чашей в руках. Син Чжаоюэ поспешно запахнул одежду, но стоило пошевелить левым плечом, как тут же отозвалась боль в ране на спине. Он вздрогнул, и одежда снова предательски сползла.

Черт! Красавец, сидящий на кровати в таком непотребном виде, босые бледные ноги на засыпанном соломой полу, растрепанная черная одежда, разметавшиеся волосы! А взгляд... полный смятения. У Цзян Линя внизу живота разлился жар. Глубоко вздохнув, он поставил чашу на трехногий стол и в несколько прыжков оказался у кровати, подхватив Син Чжаоюэ на руки и уложив обратно.

Син Чжаоюэ все еще пытался поправить одежду, но Цзян Линь просто перехватил его руки и поднес к своим губам:

— Перестань дергаться. Все равно скоро снимать, только лишние хлопоты!

В голове у Син Чжаоюэ загудело. Все эти действия Цзян Линя казались такими развязными, но он был слишком слаб, чтобы сопротивляться.

— Отпусти! — выкрикнул он что было сил. Однако для Цзян Линя это прозвучало как

намеренное кокетство.

Он крепче обнял Син Чжаоюэ, прижимая его к своей груди:

— Не двигайся, я осмотрю рану.

Сказав это, он откинул край одежды, который Син Чжаоюэ пытался удержать, и мгновенно обнажил всю верхнюю часть его тела.

Рана не воспалилась, но и не затянулась — от любого движения она начинала кровоточить. Цзян Линь взял чашу и нанес на кожу едкую зеленую мазь, а затем перевязал рану полосой ткани, оторванной от того самого белого одеяния, в котором Син Чжаоюэ был раньше.

На руках и ногах у Син Чжаоюэ тоже были ссадины, но неглубокие. Цзян Линь заметил:

— Что касается одежды... лучше ее вообще не носить. Так раны не будут преть и заживут быстрее.

Син Чжаоюэ закатил глаза. Поверил я тебе, как же!

Он не стал задавать глупых вопросов вроде Зачем ты меня спас? Выхода все равно не было, так что оставалось лишь позволить этому человеку заботиться о нем и защищать, а там видно будет, когда раны затянутся. Это в любом случае лучше, чем оставаться одному, когда снова появятся те убийцы.

— Почему ты молчишь? — спросил Цзян Линь.

Син Чжаоюэ приподнял бровь, все еще находясь в его объятиях:

— Для начала отпусти меня.

Цзян Линь усмехнулся и немного ослабил хватку.

— ...

Син Чжаоюэ дернулся, пытаясь выбраться, но Цзян Линь снова прижал его к себе и спросил:

— Ты уверен, что сможешь сидеть, если я тебя отпущу?

С этими словами его рука скользнула под нижнюю одежду Син Чжаоюэ.

Син Чжаоюэ перехватил его ладонь, тянувшуюся к поясу, и в ярости воскликнул:

— Бесстыдство!

Цзян Линь на секунду замер, а затем продолжил свое дело:

— Сегодня мне действительно хочется быть бесстыдным. Красавчик, неужели ты забыл, что обещал мне?

— Что я обещал?

Отдаться ему? Тьфу, да когда он такое обещал!

Цзян Линь посмотрел на Син Чжаоюэ своими темными глазами, в которых таилась бездонная тьма, непостижимая для других. Все, что видел Син Чжаоюэ, — это самого себя, полураздетого и прижатого к груди этого человека.

Взгляд Цзян Линя стал игривым, его рука с силой нажала на определенную точку в районе поясницы Син Чжаоюэ, и тот почувствовал, как силы покидают его, заставляя обмякнуть.

— Что... ты сделал? — прошептал он, едва выговорив эти слова, чувствуя, как из него уходит последняя энергия.

<http://bllate.org/book/18639/1794923>